

УДК 336.11; JEL H11, H22
DOI: 10.17223/22229388/22/3

А.А. Земцов

ФИНАНСОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АГРЕССИВНО ДОМИНИРУЮЩЕГО ГОСУДАРСТВА ДЛЯ БИЗНЕСА И СОПРЯЖЕННЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ: МУЛЬТИКАСКАДНАЯ СИСТЕМА ИЗЪЯТИЙ ИМУЩЕСТВА

Публикация продолжает рассмотрение опасностей домохозяйств, останавливаясь на противоречивом акторе – государстве, которое, охраняя домохозяйства от многих опасностей, представляет в силу двойственности главнейшую для активнейших из них.

Ключевые слова: домохозяйства, изъятия, налоги, модель реального государства, система изъятий имущества.

Уяснение и уточнение понятий «государство» и «финансы» – может быть, самая важная задача финансовой науки как в экономическом, так и в правовом аспектах.
Запольский С.В. [10. С. 57].

Смысл появления данной статьи – как следует из эпиграфа – уяснение понимания смысла реального государства, позволяющее объяснить и объединить ряд финансовых проблем взаимоотношений его с бизнесом и домохозяйствами. Ранее написано несколько статей о безопасности домохозяйств: основания [17], трудности [11], проблемы [16], в другом ключе «нормативном», в чем-то параллельно развивается тема статусов домохозяев: гражданско-правовых [14], семейно-правовых [18], уголовно-правовых [15], которые могут при определенных материально-финансовых условиях претвориться в роль как элемент персоны домохозяина, кроме последней группы – уголовно-правовых (собственно-антистатусы, так как государство прямо запрещает гражданам выполнять такие роли, предусматривая многообразные наказания). Рассмотрение групп преступлений и соответствующих им наказаний привело к неоднозначным выводам о тенденциях и трендах их развития (таблица) [15].

Возникла необходимость исследовать важнейший глубинный срез темы: государство и опасности домохозяйства, неоднозначность которого (как показал анализ источников) состоит в

том, что первое может быть источником второго, а должно быть защитой.

Конкретизируя эпиграф Запольского, финансы здесь мы будем понимать прежде всего как изъятия: налоги (в широком смысле) [19], повинности (на примере налогового агентирования) [12], штрафы и дань (коррупция) и т.п.

В статье рассматривается малый и средний бизнес, так как по мнению С. Барсуковой, у крупного бизнеса другие способы взаимодействия с государством: если коррупция в среде малого бизнеса мотивирована идеей выживания, то коррупция, практикуемая бизнесом крупным, нацелена на повышение его прибыльности через доступ к ресурсам [2. С. 251]»

Домохозяйства названы по ряду причин:

I. Все Дх можно разделить в аспекте данной статьи на группы:

а) Дх работников государственного управления, которые в основном пользуются двойными плодами экономического давления: повышенная (высокая) оплата труда по сравнению с другими отраслями народного хозяйства и новый источник доходов, имеющий по преимуществу теневую природу;

б) Дх предпринимателей и руководителей бизнеса. Влияние экономического давления – противоречивое. Это и снижение доходов в результате коррупции и одновременно их повышение за счет «экономии» на налогах. Самое главное – неформальные отношения с «человеческим» лицом государства могут привести (и приводят) к «пробиванию» персоны законом и к осуждению домохозяина, что негативно скажется на самом Дх, так как в РФ уголовная ответственность предусмотрена только для физических лиц;

в) остальные домохозяйства – для них последствия в лучшем случае нейтральные, но учитывая сущность коррупции 3-го уровня, чаще негативные.

2. Бюрократизация государства [33] приводит к структурным изменениям экономики, к росту размера государства, к созданию мультикаскадной системы изъятия имущества (МКСИ). Чтобы разобраться в феномене МСКИ, составим адекватную реальности модель государства, используя резонансные подходы. Наличие такой модели позволит объяснить актуальные процессы, происходящие в сфере взаимодействия реальных государства и экономики.

По мнению Барсуковой С.Ю. [14], право выступает функцией формального социального контроля со стороны государства. Но социальные субъекты не детерминированы этим правом. Специфика интерпретации закона различными группами, разнообразные ресурсы, которыми оперируют участники судебных дел, порождают неформальные институты, одна часть которых

исходно конфликтогенна по отношению к формальным нормам, а другая – снижает уровень конфликтности отношений в сфере права. Реальное поведение субъектов находится на стыке формального и неформального регулирования. Ослабление законопослушания – это не вопрос патологии отдельных субъектов, а социальный феномен конфронтации формального права и неформальных норм, зачастую с перевесом в пользу последних за счет укорененности в культуре, традициях, привычных способах разрешения коллизий.

Есть разные подходы к пониманию государства: начнем с модели «идеального государства» в экономике общественного сектора Якобсона, по мнению которого в нашей стране формы, в которых реализуется экономическая роль государства, находятся в процессе интенсивных перемен [35. С. 8]. Итак, модель идеального государства (МИГ):

И подход экономики общественного сектора (ЭОС), и понятийный аппарат, и исследовательский инструментарий соответствуют условиям смешанной экономики, в которой государство находится в положении партнера и конкурента частных фирм и несет ответственность за поставку специфических материальных благ и услуг. Государство как один из активных участников экономической жизни, строящейся на основе рынка, не претендует на роль демиурга экономического порядка, но не ограничивается выполнением функций «ночного сторожа». В некотором смысле ЭОС представляет собой микроэкономику государства как особого рода организации, которая, взаимодействуя с другими организациями (фирмами), производит и потребляет блага в общей рыночной среде, хотя и обладает специфическими возможностями и статусом [35. С. 7], правом принуждения в рамках и на основе законов.

Соответственно, бюджет и государственная собственность предстают, прежде всего, в качестве инструментов, призванных обеспечивать удовлетворение потребностей в тех благах, которые недостаточно эффективно производятся в частном секторе.

По существу, любые действия государства в рыночной экономике опосредуются финансовыми инструментами [35. С. 7]. Налоги рассматриваются в качестве формы, которую приобретают затраты на производство разнообразных общественных благ, поставляемых государством своим гражданам. По сути, предполагается, что государство и его органы, подобно другим производителям товаров и услуг, получают (или должны получать) ресурсы лишь постольку, поскольку им удастся продемонстрировать потребителям (налогоплательщикам) свою способность удовлетворять их

запросы лучше потенциальных конкурентов из числа частных фирм.

За потребителями, в роли которых выступают избиратели, остается бесспорное право добиваться минимизации своих затрат (налогов) [35. С. 6].

Вместе с тем государство в существенной мере влияет на деятельность и тех предприятий и некоммерческих организаций, которые ему не принадлежат. Воздействие государства на них осуществляется с помощью правового регулирования, кредитно-денежной политики, налогообложения и программ общественных расходов [35. С. 11].

Ресурсы государства, с которыми имеет дело ЭОС, могут формироваться за счет законного изъятия части доходов граждан и организаций. В современном обществе это достигается посредством налогообложения. Облагая предприятия и частных лиц налогами, государство ограничивает их права и на доход, и на передачу имущества, точнее, частично перераспределяет эти права собственности в свою пользу. Налог – это вторжение государственных правомочий (исключительного права государства) в сферу частной собственности, в результате которого, например, у предприятия фактически появляется своего рода скрытый акционер в лице государственных органов, законным образом претендующий на твердо установленную долю прибыли [35. С. 33]. Налоги в данном случае понимаются широко. Они включают все виды доходов, аккумулируемых государством на регулярной основе с помощью принадлежащего ему права принуждения [35. С. 119]. Коренной признак налогов – их принудительный характер. Все эти платежи в совокупности образуют налоговую систему. Широкое понимание налогов помогает уяснить единую природу и взаимозаменяемость многих из них [35. С. 121]. Единственный смысл и оправдание налогов в демократическом обществе – служить выражением спроса налогоплательщиков на общественные блага и признанных гражданами принципов перераспределения доходов [35. С. 128]. В то же время в силу изъянов государства налоговые системы на практике не способны вполне безукоризненно выполнять данную миссию. Когда потребности в финансировании общественных благ и принципы распределения можно считать данными, то, сравнивая налоговые системы и оценивая возможности их совершенствования, целесообразно принимать во внимание, прежде всего, критерии относительного равенства обязательств, экономической нейтральности, организационной простоты, гибкости и контролируемости налогов со стороны плательщиков [35. С. 128–129].

В условиях идеальной модели государства, отсутствия его сверхнормативного доминирования стороны отношений ведут себя адекватно характеру государства, которое устанавливает

законы, требует их соблюдения, а большинство граждан отвечает правомерным поведением, о чем писал В.В. Оксамытный: «Важный фактор, определяющий поведение человека в обществе – его отношение к праву, правовой деятельности. О характере действий человека в сфере правового регулирования можно судить исходя из оценок, даваемых обществом на основе образцов поведения, отраженных в нормах права. Такими правовыми действиями лица являются поступки – правомерные или противоправные. Все остальные действия могут быть причислены к юридически безразличным. Неправомерные действия лиц в правовой сфере называются противоправным, антисоциальным, неправомерным, преступным и другим поведением» [23. С. 9].

Преступные деяния – наиболее социально вредная разновидность антиобщественного поведения; оно выступает доминирующим фактором в определении степени асоциальности личности, установления её ответственности в случае совершения неправомерных поступков. Правомерное поведение – как сознательное выполнение права [23. С. 10]. Правомерное поведение личности – её деятельность в сфере социально-правового регулирования, основанная на сознательном выполнении требований норм права, которое выражается в их соблюдении, исполнении и использовании [23, 24]. Правомерное поведение проявляется в общественной жизни исключительно разнообразно: 1. Социально активное поведение – высшая форма. 2. Положительное (привычное) осуществляется в рамках сформировавшейся привычной деятельности личности по исполнению и соблюдению норм права). 3. Конформистское (пассивное) поведение (как следствие приспособления личности к внешним обстоятельствам, пассивного соблюдения ею норм права в силу подчинения своих действий (либо бездействия) (окружающим). 4. Маргинальное (как тип правомерного поведения, построенного на мотивах страха перед ответственностью, личных расчетов, боязни, осуждения со стороны окружающих, диктуется особым пограничным состоянием личности, не престапующей границ дозволенного и запрещенного, но обладающей предрасположенностью к совершению противоправных действий). Соблюдение норм права лицами, индивидуальное правосознание которых расходится с требованиями этих норм, может быть отнесено к поступкам, лежащим в основе формально правомерного – маргинального поведения [23. С. 99].

Если же спуститься с теоретических высот ЭОС, то у реальной модели государства находим другие характеристики, одна из которых рассмотрена в трудах И. Розмаинского. Так, в работе 2004 г. говорится: «Существуют 4 способа снижения степени неопределенности будущего: 1) Ориентация производственной деятельности на само-

обеспечение и/или на семейно-родственные отношения, предполагающие взаимопомощь (семейная экономика). 2) Централизация принятия большинства экономических решений (плановая экономика). 3) Использование форвардных контрактов для координации хозяйственной деятельности, а также употребление денег как средства соизмерения и погашения контрактов при содействии государства как органа, обеспечивающего принуждение к соблюдению этих контрактов (рыночная экономика «западного» типа, = денежная экономика = нормальная рыночная экономика). 4) Использование форвардных контрактов для координации хозяйственной деятельности при содействии преступных кланов как органов, обеспечивающих принуждение и соблюдение этих контрактов в случаях неспособности или нежелания государства выполнять свою основную институциональную функцию («клановая экономика или клановый капитализм»).

В современной постсоветской российской экономике доминируют первый и четвертый способы при меньшей роли третьего. В России складывается (и в значительной мере уже сложился) семейно-клановый капитализм. (СКК) – экономическая система, в которой:

- производственный процесс базируется на применении активов длительного пользования и занимает большой промежуток времени;
- производственная деятельность в основном ориентирована или на самообеспечение или на семейно-родственные отношения, или на хозяйственные отношения с кланово «родственными» лицами;
- большинство экономических решений принимается децентрализованно.

«Рынок» не может нормально функционировать без государства как генератора институциональной среды. Развитие СКК было обусловлено не только невыполнением со стороны государства функции защитника контрактов, но и соответствующими неформальными правилами игры. Одним из важнейших индикаторов того, что наша экономика уже во многом семейно-клановая, являются показатели ее теневого сектора – «право силы» побеждает «силу права» [13. С. 19].

В работе 2010 г. «К формированию посткейнсианской теории государства» основная функция государства определяется как обеспечение принуждения к выполнению контрактных обязательств, т.е. их «инфорсмент». (Enforcement: I. Давление, нажим, принуждение. Syn: compulsion, Pressure. II. 1) Соблюдение правопорядка, закона; 2) принудительное применение; правоприменение; принудительное проведение в жизнь; принуждение к выполнению требований [5. С. 827]. Основное институциональное «предназначение» государства состоит в том, чтобы упорядочивать хозяйственную и социальную

жизнь в обществе, страдающем от неопределенности [13. С. 37].

В работе 2005 г. «Посткейсианская модель человека» говорится, что институты генерируются людьми для снижения неопределенности будущего: институт форвардных контрактов; институт денег; государство как защитник контрактов. Главная функция государства заключается в обеспечении принуждения к соблюдению контрактов, т.е. в выполнении функции «инфорсмента». Плохой «инфорсмент» означает институциональную неадекватность государства и сильно повышает неопределенность будущего [13. С. 20].

Конкретный пример слабого инфорсмента приводит Н. Соколова: «В настоящий момент английское право является одним из наиболее популярных регуляторов процесса заключения трансграничных контрактов российскими компаниями.

На сегодняшний день до 90 % сделок по слияниям и поглощениям в России [28. С. 48] совершается с помощью естественных или искусственных привязок к английскому или иному иностранному праву. Причины выбора английского права: 1) английский – международный язык бизнеса; 2) Англия и США традиционно играют важную для торговли роль и являются ведущими финансовыми центрами; 3) высокий уровень развития английского и американского права. Следует отметить гибкость и диспозитивность основных институтов общего права, что тоже объясняется его длительным существованием и желанием законодателей помочь или, по крайней мере, не препятствовать росту бизнеса. Корпоративные и в меньшей степени налоговые законы написаны так, чтобы облегчить жизнь предпринимателям; 4) независимость английских и американских судов, а также их репутация как честных и неподкупных, которая находится в ярком контрасте с репутацией российского правосудия» [28. С. 49]. Одной из помех для таких международных сделок являются пробелы в российской юридической системе и сомнения в российских судах. Пока иностранное право предоставляет лучшую юридическую защиту в сделках M@A как покупателю, так и продавцу [28. С. 50].

Как считает Лотаков (PWC), важнейшая причина офшоризации российской экономики – защита инвестиций, налоговое планирование – на втором плане. Деофшоризация – не специфически российское явление: Россия находится в общемировом тренде кампании «большой двадцатки и ОЭСР по борьбе с размыванием налогооблагаемой базы и вывозом прибыли из-под налогообложения». На встречах с первыми лицами компаний понятно: это одна из самых больных тем для них сейчас. Они смот-

рят на закон, на структуру владения – а закон не совсем простой, да и структуры за последние 20 лет у всех стали далеко не простыми. Поэтому, безусловно, есть тревога. Понятно, что основная задача – реструктуризовать деятельность в соответствии с буквой и духом законодательства, одновременно сохранив конкурентоспособность на зарубежных рынках, доступ к инструментарию защиты инвестиций. И лишь во вторую очередь обеспечить чисто налоговую эффективность [20]. Как показывают данные опросов, число россиян, считающих, что государство не выполняет свои обязанности перед гражданами, выросло за год с 28 до 39 %. Только 18 % респондентов никаких претензий на этот счет к властям не имеют [8].

В работах Ю.Г. Швецова (2006 г.) предлагается бюрократическая, номенклатурная модель государства: для любой бюрократии предпочтительной формой собственности является государственно-монополистическая [33. С. 61]. Номенклатура как господствующий класс в нашем обществе выполняет классическую двуединую функцию – распределительную (распределение национального дохода) и контрольную. Национальный доход распределяется и используется исключительно в интересах бюрократии, которой чужды интересы других слоев населения страны. Отсюда и резкая поляризация общества: бюрократия (чиновники) и пробюрократические собственники (т.е. имеющие всевозможные льготы по ведению бизнеса в обмен на часть прибыли; классический пример – отечественные олигархи), с одной стороны, и население и независимые предприниматели (как правило, мелкие), с другой стороны.

Материальной основой существования бюрократии и сохранения ею господствующего положения в обществе является перераспределение национального дохода в свою пользу путем концентрации средств населения в еще поступающих в бюджет налоговых платежах юридических и физических лиц. Бюджетная система России организована таким образом, что обеспечивает поступление преобладающего числа бюджетных ресурсов на воспроизводство бюрократии; при этом все остальные расходы бюджетов финансируются исключительно по остаточному принципу. Естественно, что истинные сущность и предназначение бюджетной системы завуалированы самым тщательным образом под слоем различных законов, публикаций в печати, учебной и научной литературе [33. С. 62].

Бюджетная система представляет собой централизованную, жесткоуправляемую модель унитарного бюджетного устройства страны, в которой региональные и местные бюджеты занимают подчиненное по отношению к федеральному положение. В условиях российской действительности в каждой статье расходной части бюджета

наибольшая часть расходов приходится на содержание бюрократической номенклатуры, остальные направления финансируются строго по остаточному принципу.

Налоговая система выполняет в обществе две основные функции – фискальную и регулирующую. В своем фискальном проявлении система налогообложения обеспечивает интересы субъектов сфер «бюджет», а в регулирующей функции – интересы сферы «бизнес». Сфера «бюджет» гипотетически стремится максимизировать совокупные налоговые обязательства плательщиков, в сфере «бизнес» – минимизировать их. На практике налогообложение предстает в виде особого потока финансовых ресурсов по направлению из сферы «бизнес» в сферу «бюджет». Тем самым оно олицетворяет собой смену формы собственности [33. С. 65]. В современных условиях налоговая система выполняет в основном фискальные задачи в ущерб регулирующим, т.е. обеспечивает государственную бюрократию финансовыми ресурсами. Сведение налоговых действий лишь к аккумуляции доходов в государственную казну вне установления их функциональной зависимости от величины реального экономического потенциала превращает налоговую систему в конфискационную [33. С. 66]. Мыслимо ли уплачивать такое количество налогов любому из предпринимателей? Конечно же нет, но тогда какой смысл сохранять такую систему? С точки зрения логики и с позиций экономической эффективности действие налоговой системы, правила в которой никто не соблюдает – полный абсурд. Однако такое положение дел несомненно выгодно бюрократии, и эта выгода заключается в потенциальной возможности привлечь к административно-уголовной ответственности тех, кто представляет собой угрозу ущемления интересов правящего класса [33. С.67].

В работе Запольского [10], анализируется глубинная сущность налогов, позволяющая по другому взглянуть на ряд актуальных тенденций: «Соизмеряя действия кредитора (плательщика) с их экономическими последствиями, мы совершим роковую ошибку, если ограничимся в определении этих последствий только пополнением соответствующего денежного фонда. Если это результат, то результат промежуточный, результат процедурный, мы же должны отыскать результат, последствие материальное. Это особо актуально для сферы налогообложения, где формальная завершенность отношений, связанных с налоговой обязанностью, уплатой налога, порождает иллюзию об их полной безэквивалентности. Налогоплательщик же в связи с исполнением своей налоговой обязанности обретает право на специфическое, но все же осязаемое встречное удовлетворение финансового типа» [10. С. 39–40]. В практическом ключе эта проблема выглядит как

«возможность признания за сторонами финансовых отношений права на инвариантность их взаимодействия в рамках налоговой, бюджетной или иной другой обязанности, без чего право перестает быть правом и превращается в свою противоположность – долженствование» [10. С. 73].

И главное – права и обязанности субъекта в области финансовых отношений ничем не отличаются от иных прав и обязанностей; права осуществляются, а обязанности исполняются в режиме самостоятельности, являясь актом волеизъявления субъекта [10. С. 135]. Перенос тяжести защиты интересов государства в налоговой сфере на механизм ответственности создал бы возможность понизить и глубину администрирования, получившего в прессе само за себя говорящее название «налоговый террор».

Совершенствование законодательства о налогах теснейшим образом связано с состоянием доктрины налогообложения, которая, как и практика, продолжает «сидеть на двух стульях». С одной стороны, понятно, что обязанность платить налоги, предусмотренная Конституцией страны, для исполнения нуждается в двусторонней представительно-обязывающей правовой форме, иначе говоря, в обязательственном оформлении. При этом наряду с обязанностями, налогоплательщик обладает и рядом прав, которым корреспондированы обязанности налогового органа. С другой стороны, существуют не только научные, но и политические силы, заинтересованные в сохранении векового порядка, при котором налоги в своей сути есть подати, размер которых, сроки уплаты, иные условия – плод волеизъявления и волеусмотрения только одной стороны – государства, подобно Соловью-разбойнику вступающего через свои органы в ультимативные отношения с налогоплательщиком. Не в этом ли скрыта причина того, что НК РФ, принятый лишь несколько лет назад, был за это короткое время изменен сотни раз и превратился в некотором роде в метафизический документ [10. С. 223], точнее: 440 изменений и дополнений за 17 лет [38].

К сожалению, преимущественным тоном исследований проблем финансового права продолжает быть дальнейшая юридическая инструментализация экономического давления со стороны государства на юридических и физических лиц [10. С. 282].

Как законодательство, так и правовая доктрина воспринимает налог как прямой налог. Тем самым права и законные интересы третьих лиц, под которыми следует понимать истинных налогоплательщиков при косвенном налогообложении – потребителей товаров, работ и услуг, оборот которых облагается, выпал из поля зрения законодателя [10. С. 309].

Проблемы косвенных налогоплательщиков требуют особого рассмотрения. Наверное, можно начать со структуры цены.

В работе Й. Меллера, акцентируется связь налогов и либерализма, рассматривается смысл «фискальной социологии». Либеральное государство очень сложно насадить извне – в большей степени оно должно консолидироваться изнутри [21. С. 178]. Либеральные права исторически имели смысл только там, где сильное чиновничество могло устанавливать и проводить их в жизнь. Важнейший механизм или промежуточная переменная, которая оказала определяющее влияние на процесс формирования государства, имела фискальную природу. Норт и Томас отметили: «Те политические единицы, которые были сравнительно более эффективными в решении фискальных проблем, выжили, а сравнительно неэффективные – поглощены соперниками». Они же предлагают простое, но очень четкое определение государства: «...Правительство представляет собой прежде всего институциональное устройство, которое продает своим членам защиту и правосудие. И делает оно это путем монополизации определения и исполнения прав собственности на товары и ресурсы и предоставления прав на перераспределение этих активов. Взамен на эти услуги государство получает плату в виде налогов» [21. с. 181].

Вероятно, это *quid pro quo* между доходами государства и правами составляет глубинную суть всякого либерального порядка. Я предпочитаю называть этот взаимный обмен «великой сделкой либерального государства» [21. с. 183]. Нам необходимо раскрыть процесс, который превратил государство, орган принуждения *par excellence*, в главного защитника либеральных прав. Это выводит нас из области исторической социологии в область, занимаемую ее менее именитой родственницей: фискальной социологией, которая утверждает, что характер государства зависит от характера государственных финансов. Гольдшейд и Шумпетер отмечают, что само по себе государство действовать не способно; это инструмент, используемый определенными группами. Пользуясь метким выражением Гольдшейда, именно «государство в государстве» – «описание его законов и рассмотрение норм, отвечающих его потребностям» – составляет предмет фискальной социологии. В свете этого государственные финансы становятся зеркалом общества, поскольку они образуют поле битвы, на котором ведется борьба за контроль над государством. Между прочностью эффективного налогообложения и прочностью определенных либеральных прав существует сильная историческая связь-возможность не только симптоматиче-

ска 19 также причинная. По мнению Стивена Холмса, «если подданные не будут понимать происходящего, они вряд ли смогут бросить серьезный вызов правительству» (цит. по [21]). Иными словами, в зависимости от ситуации правитель сталкивается с противоположными стимулами. Подданные должны быть способны следить за сувереном, чтобы принцип господства права начал соблюдаться [21. С. 184].

Либеральные права и принцип господства права смогут стать жизнеспособными только тогда, когда этому способствуют ограничения, т.е. когда правителю нужен устойчивый приток доходов, а подданные достаточно сильны, чтобы выбить из него уступки. В этом и состоит теоретический ответ на поставленный в заглавии этой статьи вопрос о происхождении либерального государства.

Теоретическая связь между налогообложением и либеральной демократией основывается на том, что налогоплательщики являются юридическими субъектами, экономически независимыми и способными покупать у государства права за налоги. Связь, о существовании которой говорит фискальная социология, – это связь между частными налогоплательщиками и политическими и гражданскими правами [21. С. 187].

На самом деле финансовая сфера определяла состояние политической. Когда правители не находятся в экономической зависимости от граждан, либеральные права и принцип господства права остаются иллюзией [21. с. 191].

Концепция Волкова в изложении Барсуковой высвечивает аспект организованного насилия в модели реального государства. Мы говорим исключительно о роли силовых структур в экономических процессах, т.е. нас интересует не любой носитель физического насилия, а только тот, действия которого играют роль в функционировании экономики. Таковыми могут быть как государственные, так и частные структуры, которые, в свою очередь, делятся на легальные и нелегальные. Государство и бандит – это разные формы одного феномена – силового предпринимательства, суть которого в превращении организованной силы в источник постоянного дохода путём установления контроля над экономическими агентами. Бандит – это частный нелегальный силовой предприниматель. Для понимания роли силовых предпринимателей принципиальны несколько утверждений. Первое. Общественные отношения строятся на базе трёх ресурсов – сила, деньги и слово. Именно физическое насилие, экономические ресурсы и способность наделять действия неким смыслом образуют ткань общества. Различаются общества лишь формами реализации этих ресурсов, механизмами их конвертации и принципами распределения между социальными группами. В этой триаде физическому насилию при-

надлежит ключевая роль. Добровольность сделки строится на знании, что есть сила, принуждающая соблюдать условия сделки. Именно сила принуждения конституирует правило. Принуждение как потенциальное насилие, применимое к нарушителям правил, держит на себе всю декорацию свободных рыночных отношений. Ведь институт собственности существует только в виде свода правил, которые ничего не стоят, если нет неотвратимости наказаний за их нарушение [3. С. 87]. Второе. Под вывеской борьбы с преступными сообществами государство вытесняет конкурентов. Ведь с функциональной точки зрения государство и преступные сообщества – коллеги, так как производят блага одного рода, а именно посредством силового ресурса обеспечивают поддержание правил взаимодействия. Отсюда двумя принципиальными стратегиями борьбы с бандитами являются или их физическое уничтожение, или экономическое разорение. Государство не может устанавливать и обеспечивать правила в той зоне экономики, которую не признает законной. Тем самым отдаёт экономическую реальность под опеку альтернативных силовых организаций. Криминальный бизнес при всём желании не может платить налоги государству, но платит дань бандитам, что с точки зрения покупаемых услуг одно и то же. Для криминального бизнеса сообщества бандитов являются безальтернативным силовым партнёром, своего рода теневым правительством, устанавливающим нормы поведения на этом рынке. Третье. С исторической точки зрения государство является финальной точкой конкурентной борьбы среди тех, кто пытается силой обеспечить себе регулярный доход.

Государство – это состояние, когда в игре силовиков на выбывание остаётся только один участник. Государство – не цель движения практикующих силовиков, но логический предел их конкуренции и концентрации силового ресурса. В классическом определении М. Вебера государство – это территориальная монополия легитимного насилия [3. с. 88].

Бандит превращается в идеально-типическое государство, если поддерживает справедливость и гарантирует порядок, во-первых, для всех, а не для отдельных платёжеспособных клиентов, во-вторых, на основе формальных процедур, а не личных и переменчивых симпатий. Намерения у государства те же, что у любого бандита: за счёт силового ресурса организовать хозяйственный процесс так, чтобы обеспечить регулярный доход политической элите.

Бандиты были всегда. Бандиты, осуществлявшие наезды на экономических агентов в советское время, были родом из криминального мира. Уголовный мир как социальная организация возник в условиях сильного репрессивного государства, что принципиально отличает его

от бандитов 1990-х как порождения слабого государства.

В 2000-е годы бандитов вытеснило не государство как машина обезличенного поддержания формальных норм, а армия представителей государства, приватно распоряжающаяся государственными силовыми ресурсами. Чиновники, офицеры, судьи победили бандитов тем, что сделали административные и силовые ресурсы государства предметом торга. Представители государства не встали на порочный путь нарушения законов, отнюдь, они действуют в строгом соответствии с формальными нормами, но интерпретируют и исполняют их сообразно интересам клиентов. Не безвозмездно, разумеется.

Действующие сотрудники государственных органов не занимаются ничем предосудительным, они реально находят украденное, обеспечивают безопасность, возвращают долги, сопровождают грузы и проч., но делают это не для всех налогоплательщиков, а для частных клиентов, т.е. создают правопорядок не как общественное, но как частное благо. Но если бандиты восполняли вакуум формальных институтов, то их «сменщики» создают институты неформальные, опираясь на мощный аппарат принуждения и разветвленную сеть законов, вольность интерпретации которых и селективность применения составляют специфику силового ресурса этой группы [3. С. 89].

В работах Стивенсон развивается идея патримониализма силовых структур, преимущественно группировок: в целом группировка, экономика которой держится на силовом предпринимательстве и других видах как криминальной, так и легальной деятельности, – это не бизнес-структура, а патримониальный клан. Понятие патримониализма было предложено Вебером для описания отношений традиционного господства, основывающегося на личной власти патриарха и преданности ему со стороны членов расширенного домохозяйства или племенного альянса. Лидеры группировок, скорее, вожди кланов, в которых экономические, социальные и властные отношения находятся в неразрывном единстве, главное качество лидера – это умение демонстрировать силу [30. С. 106].

Группировщики часто называли свои организации «школой жизни», идеальным сообществом, морально возвышающимся над современным городским обществом, в котором люди живут вне правил, вне закона (понятий), думая только о собственных шкурных интересах. Понятия создают основу социального порядка в группировке, будучи при этом не сводом инструментальных норм, делающих возможным эффективное осуществление силового бизнеса, а целостным мировоззрением. Понятия нельзя вывести из так называемого воровского или тюремного закона [30. С. 107]. Фундаментальные принципы группиров-

ки и соответствующие им понятия: 1. Поведение в качестве представителя аристократической группы, неотожествляемость с доминируемым населением. 2. Контроль над телом и речью. «Пацан» не может употреблять наркотики или неумеренно употреблять алкоголь. Молодежь не должна курить. 3. Верность группировке. 4. Подчиненное положение женщин. 5. Внутригрупповая демократия и справедливость. 6. Социальная и этническая инклюзивность группировки. 7. Автономия вне организации [30. С. 108].

Социальный порядок группировки – это порядок мужского воинского альянса. В отношении подчиненного населения члены клана становятся в позу аристократического превосходства. По праву сильного и опираясь на собственные представления о должном, они взимают с них дань. Власть группировки держится в первую очередь на насилии. Это тип власти как насилия, власти, которая требует безусловного подчинения, а не согласия [30. С. 111]. Понятия пацанских племен не распространяются на чужаков. В отношениях с внешним миром моральные правила членов группировки всегда должны работать в их пользу. Пацаны могут лгать, обманывать, грабить и, если надо, убивать с весьма немногочисленными ограничениями [30. С. 112–113].

Объединяющая концепция доминирующего государства Васильевой [7].

Примерно с середины 2000-х годов в России баланс сил бизнеса и государства сместился в сторону последнего. Причем влияние государства возросло как за счет общего усиления государственной роли в экономике (например, в ходе ренационализации), так и за счет увеличения давления на бизнес. Это давление принимает следующие формы:

- административно-юридические барьеры (сложное законодательство, пристрастные проверки, проводимые контрольно-надзорными органами, нажим со стороны правоохранительных органов);
- коррупция («откаты», взятки, вымогательство, «социальные обязательства» на местах);
- рейдерство или косвенный отъем собственности.

Внимание фокусируется на частных предприятиях малого и среднего бизнеса. Под государством мы будем понимать не монолитный фактор, а более сложную структуру. Государство, – это одновременно и комплекс формальных институтов, таких как правительство, суды и различные ведомства, которые обладают монополией на насилие и работают (хотя бы в теории) по универсальному принципу в интересах общества, и совокупность политиков и чи-

новников, действующих не только в интересах общества, но и преследующих партикулярные интересы, как частные, так и корпоративные [7. С. 086]. Эти две стороны государства представляют формальные и неформальные властные ресурсы, находящиеся в распоряжении его представителей.

В качестве ресурса и одновременно основного формального ресурса доминирования государства над бизнесом – нарастающего с середины 2000-х гг. – выступают консолидация власти президента и его команды и нейтрализация независимых источников влияния, особенно судов, парламента и СМИ [7. С. 087].

На фоне монополизации власти и отсутствия универсального правового поля государство параллельно использует формальные и неформальные рычаги давления. С одной стороны, одним из главных формальных ресурсов влияния государства на бизнес является избыточная строгость экономических законов. С другой стороны, возможность их широкой трактовки и выборочного применения составляет принципиально важный неформальный властный ресурс и дает властям фактически неограниченные возможности для давления на бизнесменов.

Выявление многих экономических преступлений предполагает инициативу со стороны правоохранительных органов. Эти особенности законодательства развязывают правохранителям руки: угроза возбуждения уголовного дела нередко используется как рычаг давления на предпринимателей, причем угроза весьма действенна, поскольку возбуждение уголовного дела фактически означает остановку деятельности компании, так как, среди прочего, замораживаются ее счета. 60–80 % уголовных дел, возбуждаемых по экономическим преступлениям, не передается в суд, т.е. закрываются или переквалифицируются. Из уголовных дел, которые передаются в суд, в 70–80 % случаев и их рассмотрение заканчивается обвинением [7. С. 088].

Специфика российского экономического законодательства, а именно его частичная противоречивость и частые изменения, – тоже оказывается действенным неформальным ресурсом влияния государства. Некоторые формальные требования фактически невозможно выполнить или же они не стыкуются друг с другом. В подобных ситуациях предприниматели вынуждены сознательно идти на риск и нарушать формальные правила или же договариваться с чиновниками.

Иными словами, выбирая неформальную стратегию поведения, предприниматели вынужденно выходят за пределы правового поля и таким образом оказываются на крючке у чиновников. Итог – два типа ресурсов влияния государства на мелкий и средний бизнес: формальный и неформальный. К формальным ресурсам относят-

ся монополизированная и деинституционализи-
рованная политическая власть, особенности зако-
нодательства и судопроизводства, а также долж-
ностные полномочия чиновников, включая право
на применение насилия. Главный неформальный
ресурс – возможность представителей государст-
венного аппарата широко трактовать и выборочно
применять законы в целях реализации партику-
лярных интересов, вступающих в противоречие с
общественными. Таким образом, основной меха-
низм доминирования «двуликого» государства
над бизнесом – смешение и одновременное ис-
пользование формальных и неформальных рыча-
гов давления. В контексте доминирования госу-
дарства перед малым и средним бизнесом открыва-
ются две стратегии адаптации: 1) формальная
стратегия: ведение бизнеса «в белую», т.е. в рам-
ках закона; 2) неформальная стратегия: полный
или частичный уход бизнеса «в тень» [7. С. 092].
Не все фирмы в секторе малого и среднего бизне-
са в равной степени могут позволить себе вести
бизнес «в белую». Ключевыми моментами здесь
оказываются оборот и доходность. Многие другие
предприятия по разным причинам не могут рабо-
тать «в белую» и обращаются к стратегии частич-
ного ухода «в тень». Эта стратегия предполагает
нарушение формальных правил и выстраивание
неформальных, личных отношений с представи-
телями государства по принципу «обо всем мож-
но договориться».

Предприниматели зачастую выбирают этот путь
вынужденно. Некоторые предприниматели уходят «в
тень» намеренно, с целью обеспечить себе конку-
рентное преимущество [7. С. 094]. Неформальная
стратегия адаптации в ответ на административное
давление со стороны государства ярко проявляется
во взаимодействии бизнеса с налоговой инспекцией.
С одной стороны, многие мелкие и средние фирмы
считают налоговую нагрузку завышенной и, исполь-
зуя «серые схемы», платят налоги «в меру своих воз-
можностей». С другой стороны, многие предприни-
матели сталкиваются с необходимостью укрывать
часть дохода от налогов, превращая их в наличные
для оплаты неформальных договоренностей и взяток
[7. С. 095]. Поэтому многие предприниматели, стал-
киваясь с налоговыми доначислениями и штрафами,
нередко за взятку «договариваются» с чиновниками
о снижении суммы. Существовать и выжить в не-
дружелюбной среде можно, только надеясь на себя и
свое ближайшее окружение [7. с. 098].

Российский капитализм немислим без теневой экономики

В отличие от «двуликого» государства, варь-
ирующего формальные и неформальные рычаги
давления, бизнес не может одновременно дви-
гаться как в правовом, так и в неформальном по-
ле. Если предприниматель ведет дела «в белую»,

то у него нет неучтенной наличности, чтобы пла-
тить взятки или «откаты». А если предпринима-
тель идет на нарушение закона и работает по не-
формальным договоренностям, позволяющим
обходить формальные требования, он сам вытал-
кивает себя за пределы правового поля, и дамок-
лов меч официальных санкций – вплоть до уго-
ловного преследования – висит над ним постоян-
но. Служащий государственного аппарата, как
двуликий Янус, может в любой момент отвлечь
от него свой партикулярный лик, обернуться
стражем государственных интересов и обрушить
на голову предпринимателя всю мощь формаль-
ных инструментов насилия. Личные договорен-
ности подрывают институты, размывают универ-
сальный принцип права и делают невозможным
существование единых для всех правил игры.

Ключевое связующее звено – стойкое представ-
ление о примате государства. Люди рассчитывают
на патерналистскую заботу со стороны государства
и проецируют на него все свои ожидания. Одновре-
менно они стремятся свести к минимуму контакты с
ним сознавая изначально более слабую позицию
индивида и частного бизнеса и признавая за госу-
дарством доминирующую роль [7. С. 098].

Важнейшая характеристика реального госу-
дарства – коррупция. Коснемся нескольких под-
ходов из огромного массива литературы, в основ-
ном функционально-операционных.

В обзоре Рогозина [26] на тему коррупции по
социальным базам данных Web of Science найде-
но 5 779 публикаций (дата поиска: 12.11.2011).
Первое упоминание приходится на 1904 г. Несом-
ненным лидером на международном рынке ака-
демических публикаций традиционно остается
США: 40 % статей из опубликованных в 2000-е
годы, Китай – 4%, Россия занимает лишь 30-е
место [26. С. 4]. Страна может выступать теоре-
тическим и методологическим центром изучения
коррупции или объектом и предметом такого
изучения. Из 50 наиболее активных в публикаци-
онном поле стран Россия занимает последний
ранг по индексу национальной разработанности
коррупции [26. С. 6]. Нельзя отрицать устойчи-
вый тренд по усилению восприятия России как
сверхкоррупцированной державы [26. С. 10].

По мнению М. Овчинникова [22], коррупция –
разновидность оппортунистического поведения
чиновника, возникающая вследствие высокого
уровня асимметрии информации между гражда-
нами (принципалами) и чиновниками (агентами).
Коррупция – «нормальная» (в научном смысле
слова) форма экономического поведения, выбор
которой осуществляется из совокупности
имеющихся альтернатив (легальных и нелегаль-
ных). Ключевым является вопрос о формирова-
нии общественных институтов, так как они опре-
деляют издержки и выгоды, ассоциируемые с
конкурирующими моделями поведения [22. С.
242].

Таблица. Типология коррупции [22. С. 243]

Тип	Субъект		Сфера возникновения и распространения	Добровольность коррупционного обмена	Степень централизации	Уровень неопределённости
	Взяткополучатель	Взяткодатель				
Низовая административная 1	Работник бюджетной сферы, Рядовой чиновник*	Граждане	Частный рынок институтов	Добровольный, недобровольный обмен	Менее централизованная	Высокий
Низовая административная 2	Рядовой чиновник*	Бизнесмены		Недобровольный обмен (business capture)		
Верховая административная	Местные и федеральные чиновники руководящих должностей*	Бизнесмены, местные и региональные чиновники		Добровольный обмен	Более централизованная	
Коррупция с «захватом государства» (верховая коррупция)	Элементы политической элиты**	Бизнесмены, региональные и федеральные чиновники руководящих должностей	Политический рынок институтов			

По утверждению Н. Розова среди десятков разнородных концепций, претендующих на исчерпывающее описание механизмов коррупции, наиболее абстрактной и емкой является принципал-агентская модель, поскольку она способна представить суть коррупции без обращения к каким-либо уточнениям относительно государственности, институтов, целей, структур и уровней управления, характера ресурсов, правовых кодексов, специфики интересов и культуры участников и т. д. Присоединим к ней рентную модель, поскольку не спорадическая, а регулярная, системная коррупция (явно присутствующая в современной России) как раз и состоит во взимании ренты чиновниками из бюджета государства, бюджета бизнеса и бюджета населения. Основа коррупции – такое отношение между акторами (индивидами, группами), когда один (принципал) передает другому (агенту) ресурсы и полномочия для выполнения некоторых задач и функций, в частности в интересах третьих лиц (клиентов), причем соответствующие ограничения зафиксированы в правилах, тогда как агент имеет интересы и возможности использовать эти ресурсы и полномочия для своей выгоды. Использование агентом ресурсов и полномочий, нарушающих правила (законы, порядок), и называется коррупцией. Если же это использование ресурсов и полномочий поставлено на постоянную основу, то экономически оно обретает статус ренты, прежде всего административной ренты. Государство по М. Веберу – это организация, обладающая монополией легитимного физического насилия на определенной территории.

Отнюдь не редки случаи, когда взятка (откат, распил) является важной частью неформального соглашения, или договора, между руководителями и их подчиненными. При этом государство не опирается на принцип верховенства права, а действует преимущественно через неформальные институты – стабильные правила игры, которые не записаны и не кодифицированы в качестве устава или закона.

В России управленческие предпосылки коррупции существенно усиливаются вследствие обширности территории (затрудняющей непосредственный контроль), гиперцентрализации и чрезмерного множества уровней управления («вертикали власти»).

Для России также характерно слишком частое изменение экономического законодательства. Излишне строгие законы (особенно в части налогообложения) обуславливают их повсеместное нарушение, что дает возможность представителям государства применять «избирательное правосудие», требовать мзды в обмен на «прощение» и т. д.

В России типичной является так называемая административная (статусная) рента, когда занятие определенных позиций в государственной службе предполагает доступ к дополнительному доходу за счет использования предоставляемых полномочий и ресурсов [27. С. 2]. Принципал – это тот, кто обязан сместить агента, наказать его за нарушение правил, назначить другого, тот, кто способен передавать или не передавать тому или иному агенту ресурсы и полномочия. Основными признаками принципала в России традиционно обладает верховная власть. В России же власть вместе с чиновниками (и приближенными олигархами) является единым принципалом-агентом

по отношению к «внесистемному» бизнесу и населению – клиентам и жертвам коррупции. Поэтому принципал не отделен от агента и вовсе не заинтересован в «искоренении» коррупции, поскольку совместно с агентом в ней участвует [27. С. 3].

По мнению К. Рогова, кроме писанных формальных правил в каждом из трех ярусов (политики, чиновники и просители, т.е. население и бизнес) действуют свои неформальные, зато относительно устойчивые и весьма почитаемые корпоративные правила. Например, в семьях – это взаимовыручка, правило «не подводить» близких, в коррупционных сообществах – представления о том, кто с кем и в каких объемах «делится», среди политиков – кто имеет какие полномочия в каких сферах правил и доходов от их нарушений [27. С. 7]. Если первые – формальные форправила – выгодно и следует нарушать (только надо «купить права» для этого), то вторые – корпоративные кор-правила – нарушать нельзя, иначе рискуешь быть выброшенным «из обоймы». Общая цель меняющихся фор-правил – обеспечение контроля над подчиненными структурами и населением, создание для них таких условий, при которых они считают за благо подчиняться и платить. Общая направленность постоянных кор-правил – сохранение групповой (корпоративной) солидарности, обеспечение группового контроля над индивидуальными членами сообщества (политической «команды», семьи, коррупционной сети), сохранение и достижение преимущественных прав на изменение фор-правил (политики), на нарушение фор-правил (бизнес и население), на «продажу прав» этого нарушения (чиновники) [27. С. 7].

Как считает О.М. Горбунова, именно прозрачность финансовой деятельности государства лежит в основе борьбы с коррупцией. Однако термин «коррупция», к нашему удивлению, не используется в УК РФ (и до сих пор. – А.З.).

Думается, что только преступления, связанные с финансовой системой государства, могут считаться чисто коррупционными, и уголовная ответственность за них должна быть другая, с учетом всех тех новаций государства, которые связаны как с гуманизацией, так и с ужесточением наказания в этой сфере государственной жизни. Коррупция должна рассматриваться как сложная система, состоящая как минимум из трех частей: первую часть этого явления составляют субъекты чиновники и работники бюджетной сферы первого уровня управления. Они берут взятки, мошенничают, вымогают взятки и т.д. Это, с одной стороны, чиновники, непосредственно общающиеся с юридическими и физическими лицами, налоговые инспектора, органы, регистрирующие и выдающие лицензии, врачи, учителя и т. д. С другой стороны, это субъекты-

участники таких неправомерных действий, непосредственно дающие взятки, поддающиеся вымогательствам и т. д. Практически субъект – физическое или юридическое лицо – отдает деньги из своего кармана, а чиновник, пользуясь своим служебным положением, кладет эти деньги в свой карман [9. С. 3].

Второй уровень коррупционных отношений складывается между субъектами чиновниками высшего звена – это руководители учреждений и предприятий вплоть до высших эшелонов власти и даже депутатов. Они обладают большими возможностями и правами в области госуправления и имеют дело в основном с субъектами-участниками – юридическими лицами, предпринимателями, – у которых больше потребностей в связи с ведением бизнеса и больше денег для оплаты услуг. Здесь объем взяток и злоупотреблений совершенно несопоставим со злоупотреблениями в первом уровне коррупции. Однако в основе наказания за все коррупционные преступления первого и второго уровней лежит либеральная идея – равенство перед законом всех субъектов-участников правонарушений и преступлений в данной области. Наконец, третий уровень коррупции, самый опасный, – это различные противоправные способы присвоения денежных средств прямо из централизованных и децентрализованных фондов государства, т. е. непосредственно у государства. Объемы этих хищений огромны [9. С. 3]. Думается, что данные преступные действия (третьего уровня. – А.З.) – это действия несколько другого рода: практически это преступление, связанное с подрывом экономической основы государства, с разорением общегосударственных фондов денежных средств – бюджета и других внебюджетных денежных фондов. Хищения из бюджета и государственных фондов уменьшают их объем. Именно это ведет к невыполнению государством своих обязательств внутри страны в отношении своих граждан и постепенно приводит к дефолту на внешнем рынке. Поэтому такие масштабные хищения должны рассматриваться как преступления против экономической безопасности государства и наказываться совершенно по-другому. И это должно быть должным образом закреплено в УК [9. С. 4].

Существующий уровень коррупции. Начальник Контрольного управления Администрации президента потряс Медведева информацией, что в системе госзакупок воруются, по самым скромным расчетам, 1 трлн руб., доля отката – 20 %. В пересчете на доходы бюджета 2010 г. (7,9 трлн) это восьмая часть. Михаил Фрадков, будучи премьером, говорил о 10 % отката [25]. Практически отсутствует наказание за этот тип поведения:

Триллион – это 1000.000.000.000.

1 Тр. Это 1г.

Млн-1 кг.

Млрд – 1 тн.

Трлн. – 1000 Т.=килотонна/60=17 ваг (это в пересчете на 1000 руб. банкноты ЦБ РФ)

Результаты по итогам проверок бюджета 2008 г. За такие нарушения, как нецелевое использование бюджетных средств и бюджетных кредитов, неперечисление процентов за использование этих кредитов, предусмотрены административные штрафы: на должностных лиц – от 4000 до 5000 руб., на юридических лиц – от 40 000 до 50 000 руб. Есть еще статья в УК РФ «Нецелевое использование бюджетных средств» – это если таким образом расходуются больше 1,5 млн руб.

Мы передали в правоохранительные органы материалы по 7500 проверкам, содержащим признаки уголовных преступлений. Правоохранительными же органами возбуждено 190 уголовных дел по эпизодам с расходом всего 2,9 млрд руб. Осуждено 65 человек, причем только трое – за нецелевое расходование бюджетных средств, остальные же за всякого рода сопутствующие сюжеты: мошенничество, взятки, злоупотребление должностными полномочиями. То есть если говорить реально, то наказания за нарушение законодательства при расходовании бюджетных денег у нас нет [24].

Результатом краткого обзора может быть ряд положений, характеризующих модель идеального государства (МИГ) в ЭОС:

– Государство – партнер и конкурент частных фирм, несет ответственность за поставку специфических материальных благ и услуг.

– Государство обладает специфическими возможностями – правом принуждения в рамках и на основе законов.

– Бюджет и государственная собственность – инструменты, призванные обеспечивать удовлетворение потребностей в тех благах, которые недостаточно эффективно производятся в частном секторе.

Налоги – форма затрат на производство разнообразных общественных благ, поставляемых государством своим гражданам.

За потребителями, в роли которых выступают избиратели, остается бесспорное право добиваться минимизации своих затрат (налогов).

Налог – это вторжение государственных правомочий (исключительного права государства) в сферу частной собственности.

Выводы: (МРГ)

• Семейно-клановый капитализм, характеризующийся показателями «теневизации» и плохим «инфорсментом».

• Главная причина офшоризации – защита собственности и инвестиций в первую очередь.

• Для бюрократической, номенклатурной модели государства предпочтительной формой

собственности является государственно-монополистическая.

• Национальный доход распределяется исключительно в интересах бюрократии, отсюда резкая поляризация общества: бюрократия (чиновники) и пробюрократические собственники, с одной стороны, и население и независимые предприниматели – с другой.

• Поступление преобладающего числа бюджетных ресурсов на воспроизводство бюрократии, при этом все остальные расходы бюджетов финансируются исключительно по остаточному принципу.

• В современных условиях налоговая система выполняет в основном фискальные задачи, т.е. обеспечивает государственную бюрократию финансовыми ресурсами, превращаясь в конфискационную.

• В сфере налогообложения формальная завершенность отношений, связанных с налоговой обязанностью, уплатой налога порождает иллюзию об их полной безэквивалентности.

• Существуют не только научные, но и политические силы, заинтересованные в сохранении векового порядка, при котором налоги в своей сути есть подати, размер которых, сроки уплаты, иные условия – плод волеизъявления и волеусмотрения одной только стороны государства, подобно Соловью-разбойнику вступающего через свои органы в ультимативные отношения с налогоплательщиком.

• Преимущественным тоном исследований проблем финансового права продолжает быть дальнейшая юридическая инструментализация экономического давления со стороны государства на юридических и физических лиц.

• Либеральное государство очень сложно насадить извне – в большей степени оно должно консолидироваться изнутри.

• Фискальная социология утверждает, что характер государства зависит от характера государственных финансов.

• Само государство действовать не способно: это инструмент, используемый отдельными группами.

• Государственные финансы становятся зеркалом общества, поскольку они образуют поле битвы, на котором ведется борьба за контроль над государством.

• Если подданные не будут понимать происходящего, они вряд ли смогут бросить серьезный вызов правительству, когда правители не находятся в экономической зависимости от граждан, либеральные права и принцип господства права остаются иллюзией.

• Государство и бандит – это разные формы одного феномена – силового предпринимательства, суть которого в превращении организованной силы в источник постоянного дохода путем установления контроля над экономическими агентами.

• Для понимания роли силовых предпринимателей принципиальны несколько утверждений: Первое. Общественные отношения строятся на базе трех ресурсов – сила, деньги и слово. В этой триаде физическому насилию принадлежит решающая роль. Второе. С функциональной точки зрения государство и преступные сообщества – коллеги, так как производят блага одного рода, а именно посредством силового ресурса обеспечивают поддержание правил взаимодействия. Третье. С исторической точки зрения государство является финальной точкой конкурентной борьбы среди тех, кто пытается силой обеспечить себе регулярный доход.

• В 2000-е годы бандитов вытеснило не государство, как машина обезличенного поддержания формальных норм, а армия представителей государства, приватно распоряжающаяся государственными силовыми ресурсами. Если бандиты восполняли вакуум формальных институтов, то их «сменщики» создают институты неформальные, опираясь на мощный аппарат принуждения и разветвленную сеть законов, волюнтаризма и селективности интерпретации которых и селективность применения составляют специфику силового ресурса этой группы.

• Формы давления государства на бизнес:

- административно-юридические барьеры (сложное законодательство, пристрастные проверки, проводимые контрольно-надзорными органами, нажим со стороны правоохранительных органов);

– коррупция («откаты», взятки, вымогательство, «социальные обязательства на местах»);

– рейдерство или косвенный отъем собственности.

• Государство, одновременно: комплекс формальных институтов, которые обладают монополией на насилие и работают (хотя бы в теории) по универсальному принципу в интересах общества, и совокупность политиков и чиновников, действующих не только в интересах общества, но и преследующих партикулярные интересы, как частные, так и корпоративные.

• Основной формальный ресурс доминирования государства над бизнесом – консолидация власти президента и его команды и нейтрализация независимых источников влияния, особенно судов, парламента и СМИ.

• Государство параллельно использует и неформальные рычаги давления. Одним из главных формальных ресурсов влияния государства на бизнес является избыточная строгость экономических законов. Возможность их широкой трактовки и выборочного применения составляет принципиально важный неформальный властный ресурс.

• Угроза возбуждения уголовного дела нередко используется как рычаг давления на пред-

принимателей. Специфика российского экономического законодательства, а именно его частичная противоречивость и частные изменения тоже оказывается действенным неформальным ресурсом влияния государства.

• Служащий государственного аппарата, как двуликий Янус, может в любой момент отвлечь от предпринимателя своей партикулярный лик, обернуться стражем государственных интересов и обрушить на его голову всю мощь формальных инструментов насилия.

• Важнейшая характеристика реального государства – коррупция, поэтому российский капитализм немыслим без теневой экономики.

• Исходя из достаточно объемного перечня свойств и характеристик реального государства, оно является далеко не идеальным и требует для своего многоуровневого функционирования соответствующего объема средств, в различных «цветовых» формах. Можно говорить о целостной системе изъятий у бизнеса и домохозяйств, включающей в себя множество типов, которые являются финансовой основой любого государства:

1. Налоги (по Налоговому Кодексу): прямые; косвенные;

2. Подати (налоги + квазиналоговые платежи);

3. Дань – взятки;

4. Повинности – время, ресурсы;

5. Дары – (алиментарные платежи + благотворительность);

6. Штрафы;

7. Хищения (в ассортименте Уголовного кодекса);

8. Обязательные отчисления средств в «общак» (для КЭ), плюс два специфических, качественных типа: инфляция и курсы валют.

В МИГ – это налоги в широком понимании.

В МРГ применяется целая гамма изъятий. Вопервых, это налоги, в официальном смысле, в соответствии с Н.К.

Во-вторых, подати, т.е. налоги + многочисленные квазиналоги [36, 37, 38].

В-третьих, штрафы, выходящие за нормальные границы неналоговых доходов.

В-четвертых, повинности.

В-пятых, дань, т.е. разница между взятками полученными и выплаченными.

В-шестых, повышение ставок действующих податей.

Для уяснения существующего положения дел обратимся к идее множественности, которой мы слегка касались в психологии, не менее перспективно применение этой идеи и в финансах (экономике). Будем опираться на концепцию С. Барсуковой, которая, кроме формальной, выделяет домашнюю экономику (ДЭк), теневую экономику (ТЭк) и криминальную экономику (КЭк) [2]. Все названные экономики имеют структуру, включающую ряд элементов (организаций, предпри-

ятий, учреждений, домохозяйств и т.п.). В свою очередь, формальную (белую), теневую (серую) и криминальную (черную) экономику(и) можно считать доходообразующими отраслями, а домашнюю –расходообразующей отраслью. Достаточно условно можно сказать, что каждой доходообразующей отрасли соответствует часть домашней экономики (группа, совокупность домохозяйств), хотя, наверное, не все домохозяйства могут относиться чисто к одной группе.

В свою очередь, каждый элемент доходообразующих экономик имеет типичную финансовую структуру, включающую: доходы, расходы, резервы и фонды, обязательства, инвестиции, финансовое администрирование, представленные комплексной категорией – бюджетом. В аспекте взаимоотношений государственного сектора, бизнеса и домохозяйств следует уточнить объем и границы таких элементов как расходы и обязательства. В теории ФДХ под обязательствами понимаются прежде всего кредиты и займы, т.е. добровольные долги, достаточно крупные по размерам, которые требуют долгосрочного ежемесячного погашения (обслуживание домохозяйственного долга). В свою очередь, расходы подразделяются на две группы: обязательные и необязательные, первые включают налоги, уплачиваемые домохозяйством, договорные обязательства, в т.ч. и кредиты и займы, жилищно-коммунальные платежи, вторые (необязательные) – расходы на предметы, товары, услуги.

Итак, расходы (комплексный элемент):

- А) Изъятия. Входят: подати; взятки, уплаченные (дань) штрафы, хищения;
- Б) Договорные обязательства;
- В) Расходы на предметы, товары, услуги;
- Г) Покупка финансовых активов;
- Д) Резервы;
- Е) Алименты и алиментарные платежи.

Обычно, когда говорится о расходах, особенно об их такой разновидности, как изъятия, имеются в виду денежные затраты. Но существует и другой вид изъятий – повинности, которые связаны с традиционными и прочими зависимостями: для работников ВШ – участие в диссертационных советах; для граждан совершеннолетних мужского пола – военная служба и т.п.; всевозможные отработки в школах и детских дошкольных учреждениях. Повинности, которые претендуют на время и ресурсы податного сословия.

Предварительно можно говорить о бизнес-повинностях, относящихся к юридическим лицам, и личных повинностях. По Брокгаузу, понятие Повинности – это личные или вещественные услуги (действия) граждан по удовлетворению каких-либо государственных или местных нужд. В таком виде выраженные По-

винности являются натуральными, и это – их преобладающая форма в современных государственных и местных хозяйствах.

Современная роль Повинности в финансовых системах ничтожна сравнительно с прежней, за исключением личной воинской повинности и других связанных с военным делом.

Прежняя значительная роль Повинностей объяснялась преобладанием натуральных форм хозяйства над денежной [34]. Повинность – общественная или государственная обязательность населения [40].

Нами достаточно полно исследована такая бизнес – повинность, как налоговое агентирование, в одной из публикаций приведены предварительные расчеты, показывающие цену вопроса [19]. Нашему подходу симпатична позиция Д.В. Тютина, который утверждает в своей статье, что сама по себе необходимость в законодательстве института налоговых агентов обычно объясняется тем, что государству проще контролировать одного налогового агента, чем большое количество мелких налогоплательщиков – получателей выплат (либо получателей выплат – иностранных лиц).

Сходное «упрощение» применено в косвенных налогах, когда государство вынуждает налогоплательщика включить налог в состав цены товаров (работ, услуг), получить его с покупателей и уплатить в бюджет.

В обоих вариантах государство упрощает себе администрирование соответствующего налога, прямо либо косвенно возлагая квазипубличные обязанности на некоторых лиц. Отличаются направления денежных потоков, но в обоих случаях есть лицо, обязанное извлечь из потока некоторую сумму и перечислить ее в бюджет. Рецепция советского права в новом российском налоговом законодательстве вполне объяснима.

В основе действующего правового регулирования института налоговых агентов изначально заложены противоречия, порождающие теоретические и практические проблемы [32]. В порядке постановки вопроса можно говорить о такой повинности, как «налоговый учет» и т.п.

Форма давления, которая была всегда, но которая качественно изменилась в последние годы (и количественно), – это штрафы. Нехватка денег в бюджете вынуждает власть все чаще искать недостающие средства в карманах россиян. Причем не только путем увеличения налогов или введения новых сборов, но и за счет штрафов. За годы санкций и кризиса как-то незаметно стала складываться «штрафная экономика», принеся только за 11 месяцев 2015 г. в 4 раза больше денег, чем налог на имущество физических лиц [31]. Кроме того, С.О. Шокин выделяет такие виды изъятия, как постоянно повышающиеся тарифы на продукцию естественных монополий и систе-

матическое повышение арендной платы [37. С. 23]. В данной работе представлены черновой вид системы изъятия, которую можно называть мультикаскадной, так как она состоит из множества каскадов, каждый из которых характеризуется перечнем (реестром) изъятий, обладающих определенным механизмом. О неналоговом каскаде говорится в [39].

Выводы: таким образом, реальное государство обладает совокупностью специфических характеристик, толкающих его на многопоследственные действия, одно из которых – создание многокаскадной системы изъятия имущества бизнеса и сопряженных домохозяйств, используя полученные ресурсы преимущественно для партикулярного развития, что негативно влияет на основные показатели экономики и домохозяйств.

Литература

1. *Бальжинимаева В.В.* Уголовно-правовые риски: репутация и имидж бизнеса // *Право. Журнал ВШЭ.* 2015. № 1. С. 81–90.
2. *Барсукова С.В.* Неформальная экономика. М., 2009.
3. *Барсукова С.Ю.* Государство и бандиты: драма с прологом и эпилогом. Рецензия на кн.: Волков В.В. Силовое предпринимательство: XXI век: экономико-социологический анализ, СПб., 2012. // *Экономическая социология.* 2012. № 1.
4. *Барсукова С.Ю.* Судебная система в России: единство формального и неформального порядка // *Экономическая социология.* 2008. № 1. С. 139–141.
5. *Большой англо-русский АBBJLingvo:* в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 827.
6. *Васильева А.* Патримониализм как определяющий фактор развития капитализма // *Неприкосновенный запас.* 2013. № 4.
7. *Васильева А.* Правила игры в российском капитализме: механизмы государственного доминирования и ответные стратегии бизнеса // *Неприкосновенный запас.* 2015. № 5.
8. *Ведомости.* 2016. 20 апр.
9. *Горбунова О.Н.* Значение понятия «коррупция» в финансовом праве // *Финансовое право.* 2012. № 5.
10. *Запольский С.В.* Теория финансового права. Научные очерки. М., 2010.
11. *Земцов А.А.* Концепция трудностей как выражение неспецифических опасностей домохозяйина и его домохозяйства. Постановка вопроса // *Проблемы учета и финансов.* 2015. № 3.
12. *Земцов А.А., Никулина О.М.* Изъятие имущества – существенный признак широкого понимания налогов как податей (в печати).
13. *Земцов А.А.* RosКейнсианство. Конспект 37 работ Ивана Розманского. Томск, 2013.
14. *Земцов А.А.* Гражданско-правовые статусы гражданина-домохозяина // *Проблемы учета и финансов.* 2011. № 4.
15. *Земцов А.А.* Уголовно-правовые статусы домохозяина // *Проблемы учета и финансов.* 2016. № 1.
16. *Земцов А.А.* Концепция проблем как выражение специфических опасностей домохозяйства // *Проблемы учета и финансов.* 2015. № 4.
17. *Земцов А.А.* Проблемы и трудности как форма опасностей домохозяйства. Основание // *Проблемы учета и финансов.* 2015. № 2.
18. *Земцов А.А., Пятова М.С.* Семейно-правовые статусы домохозяев // *Проблемы учета и финансов.* 2015. № 1.
19. *Земцов А.А., Никулина О.М.* Институт налоговых агентов в РФ: экономический взгляд // *Российская Юстиция.* 2015. № 2.
20. *Лотаков И.,* управляющий партнер PWC в России. Деофшоризация – одна из самых больных тем первых лиц компании // *Ведомости.* 2015. 15 июня.
21. *Меллер Й.* Откуда берется либеральное государство? Судьба демократии в постсоветском пространстве с точки зрения фискальной социологии // *Прогнозис.* 2008. № 1. С. 175–191.
22. *Овчинников М.А.* Влияние финансового кризиса на реализацию антикоррупционной политики // *X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества.* М., 2010. Т. I. С. 242–249.
23. *Оксамытный В.В.* Правомерное поведение личности. К., 1985.
24. *Павленко С.* Наказания за растрату бюджета у нас нет // *Ведомости.* 2010. 8 нояб.
25. *Письменная Е.* Украсть триллион // *Ведомости.* 2010. 1 нояб.
26. *Розозин Д.* Обзор публикаций о коррупции // *Отечественные записки.* 2012. № 2.
27. *Розов Н.* Стратегия нового принципала // *Отечественные записки.* 2012. № 2.
28. *Соколова Н.* Почему английское и американское право все чаще используется в деловой практике в России // *РЦБ.* 2013. № 6.
29. *Стивенсон С.* Жизнь по понятиям: «реальные пацаны и их правила» // *Неприкосновенный запас.* 2015. С. 102–117.
30. *Стивенсон С.* Российские преступные группировки, их моральный кодекс и практики насилия // *Мир России.* 2016. № 1. С. 35–54.
31. *Сухова С.* Приказано выжать // *Огонек.* 2016. № 3.
32. *Тютин Д.В.* Российский институт налоговых агентов: скрытые противоречия // *Налоговед.* 2013. № 4.
33. *Швецов Ю.Г.* Бюрократия и бюджетно-налоговая система государства // *Финансовый бизнес.* 2006. № 7–8.
34. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* СПб., 1906–1913. Т. 12.
35. *Якобсон Л.И.* Экономика общественного сектора. М., 1996.
36. *Лукиянова Е.* Налоги в нагрузку // *Ведомости.* 2016. 10 марта.
37. *Шохин С.О.* Тенденции изменения правового регулирования публичных и частных финансов: кризисный тренд // *Финансовое право.* 2016. № 5. С. 21–23.
38. *Пепеляев С.* Взносо-налоговый кодекс // *Ведомости.* 2016. 11 мая.
39. *Публичные финансы и налоговое право: ежегодник.* – Целевые публичные фонды и неналоговые платежи в странах Центральной и Восточной Европы. Воронеж, 2015.
40. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 544.